

Сборник рассказов 18+

18+

СПЯЩИЙ РЕЖИМ

Алексей Валерьевич Горбунов
Надежда Николаевна Матузова
Витольд Чащин
Елена Станиславовна Цивинская
Наталья Геннадьевна Кирюшина
Юлия Ивановна Калимуллина
Юлия Владимировна Гараева
Елизавета Алексеевна Константинова
Спящий режим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70453477
ISBN 9785006252462

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Каждую ночь мы видим сны, приятные и тревожные, радостные и непонятные, красочные и безмятежные, пустые и пророческие. Самые яркие запоминаются надолго. Они могут удивить, расстроить, напугать, а могут и помочь решить проблему. Для чего они

нужны? Зависят ли сновидения от образа жизни, профессии, фантазии? Предлагаем вам сборник рассказов, навеянный ночью. Погрузитесь в грёзы, на грани реальности и сна. В конце книги оставляем чистые страницы для записи собственных сновидений.

Содержание

От авторов	6
Елена Цивинская	8
Продавец удачи	8
Надежда Матузова	35
Сны	35
Сюрприз	41
Слежка	49
Блокнот	57
Автопортрет	61
Сеансы совместного сна	64
Куда уходят сны	75
Новогоднее чудо	77
Елизавета Константинова	80
Дальняя дорога Зои Кислицыной	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Спящий режим

Авторы: Калимуллина Юлия Ивановна, Константинова Елизавета Алексеевна, Цивинская Елена Станиславовна, Матузова Надежда Николаевна, Кирюшина Наталья Геннадьевна, Гараева Юлия Владимировна, Горбунов Алексей Валерьевич, Чащин Витольд

© Юлия Ивановна Калимуллина, 2025

© Елизавета Алексеевна Константинова, 2025

© Елена Станиславовна Цивинская, 2025

© Надежда Николаевна Матузова, 2025

© Наталья Геннадьевна Кирюшина, 2025

© Юлия Владимировна Гараева, 2025

© Алексей Валерьевич Горбунов, 2025

© Витольд Чащин, 2025

ISBN 978-5-0062-5246-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Дорогой наш читатель, ты держишь в руках первый сборник рассказов проекта «Сотворчество». Мы приглашаем тебя в царство Морфея, чтобы совершить увлекательное путешествие по ту сторону яви. Жаль, что читать с закрытыми глазами не получится. Но можно представить, что, открывая страницы нашей книги, погружаешься в дрему.

Решение написать сборник рассказов про сны пришло спонтанно, на одной из встреч нашего проекта. Наверняка ты знаешь, как много гениальных мыслей, смелых идей и самых красивых мечт посещают именно в момент перехода ко сну. Там, где реальность соединяется радужным мостом с миром бессознательного, происходят чудеса. Личные – те, что влияют на одного сновидца, или чудеса, меняющие мир, как, например, научные открытия, приснившиеся своим создателям. Или проводникам? Мы точно не знаем, но нам понравилась идея коллективного путешествия по снам. Или во снах?

Не будем кокетничать и утверждать, что мы пересмотрели сотни снов, провели десятки обсуждений и пару статистических исследований, чтобы определить достойные экземпляры. Работа над сборником была легкой, наполненной юмором и теплой атмосферой командной работы. Мы фантазировали о тебе, наш читатель, представляя, как ты открываешь сборник, спускаясь в метро или утопая в мягком зеле-

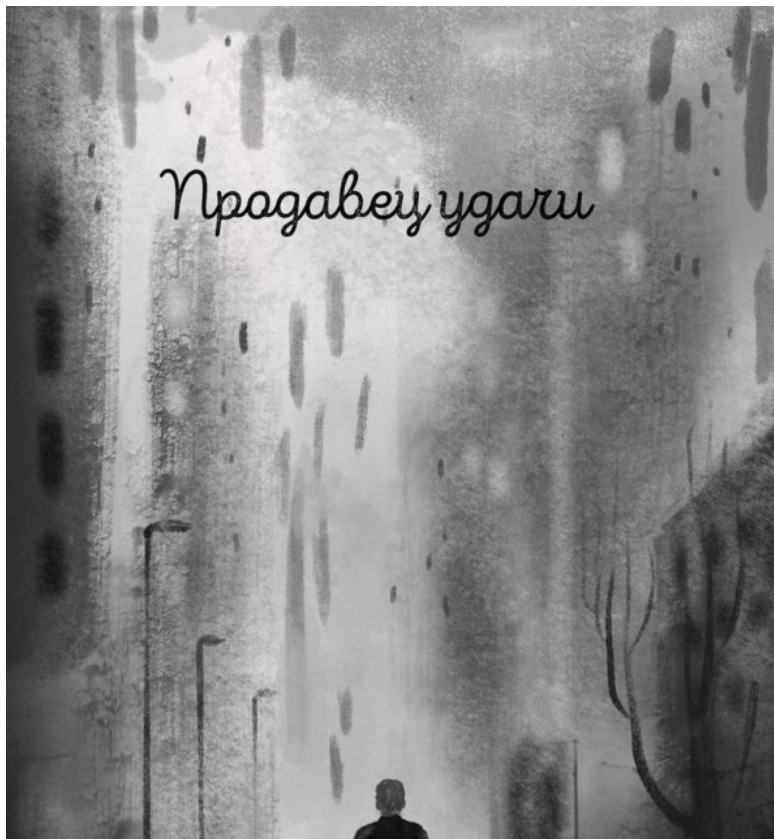
ном кресле рядом с торшером. Нам хотелось создать атмосферу уютного творчества, чтобы и ты стал нашим соавтором, записав свои сны, размышления или мечты на последних страницах сборника.

Издревле человечество уделяло большое внимание содержанию снов. Начиная от посланий богов через сны до посланий самому себе в трактовке современной психологической науки. Рассказанный сон – почти сказка. Он становится универсальным посланием не только себе самому, но и другому. Уверены, что в наших рассказах каждый читатель найдет что-то про себя.

Устраивайся поудобнее, переходим в Спящий режим...

Елена Цивинская

Продавец удачи

В который раз уже Грег проснулся до звонка будильника. Циферблат электронных часов показывал «шесть – двадцать пять». Что разбудило его на этот раз? Он не знал, но что-то в груди сжалось до тугого комка. За окном шел дождь, это было понятно, потому что капли барабанили по крыше его дома. Он повернул голову направо и посмотрел на спящую жену. Ее профиль был едва различим в утреннем отблеске рассвета, который только начал озарять город своим тусклым серым светом и едва пробивался сквозь тяжелые бордовые шторы. Прямой нос, спадающие на подушку каштановые волосы – все в ней было прекрасно, но он не мог вспомнить, где они познакомились. Грег нахмурился, а потом грустно улыбнулся. Странно это – не помнить день знакомства со своей некогда любимой женой.

Ему казалось, что даже по прошествии пятнадцати лет люди обычно помнят при каких обстоятельствах они познакомились, но Грег не помнил.

– Почему ты так смотришь на меня? – он не заметил как Люси проснулась и с сонным любопытством смотрит на него.

– Я... Люси, ты помнишь как мы познакомились? – он старался говорить непринужденно и улыбнулся. – Ты задаешь странные вопросы и почему-то всегда утром, едва глаза откроешь, – с раздражением ответила жена и отодвинула одеяло.

– Хочешь яичницу с беконом и кофе? – направилась она

в кухню. – Да, спасибо, – рассеянно пробормотал мужчина и выключил зазвонивший будильник.

Они позавтракали в полном молчании, затем мужчина надел свой черный твидовый пиджак и коричневые лакированные туфли. Пригладил темные, еще влажные после душа волосы, и направился к двери.

– Ты ничего не забыл? – Люси стояла посреди коридора в голубом бархатном халате.

– Прости, – он подошел к ней вплотную и хотел поцеловать в нос, но, увидев широко распахнутые от удивления глаза, остановился.

– Зонт! – ткнула она куда-то в сторону двери пальцем. – На улице дождь. Да что с тобой такое, Грег? Ты какой-то в последнее время сам не свой! – Она круто развернулась в своих домашних тапочках на маленьких каблучках и зашагала в спальню.

Если бы он только знал, что с ним происходит, то непременно бы сказал.

Улицы были почти пусты. В это время года в Пышвилле всегда шли дожди – вероятно так осень оплакивала теплые деньки. Очень редко случались перебои в небесной канцелярии и тогда расцветали даже магнолии и тепло проникало всюду, казалось, что снова наступила весна. Затем налетали облака и все возвращалось на круги своя. В этот день дождь лил даже сильнее обычного.

В лужах отражались неоновые вывески круглосуточных

закусочных и всевозможных магазинов – их не успели еще погасить. Это утро ничем не отличалось от сотни предыдущих, кроме того, что у Грега появилось предчувствие какой-то надвигающейся неизбежности. Но вера в удачу подкрепляла его уверенность в том, что предчувствие это – явление временное, ведь, несмотря ни на что, он является сотрудником могущественной корпорации – Министерства Удачи и ему совершенно точно нельзя допустить хоть малейшее сомнение в ее силе. Он покрепче сжал ручку своего чемоданчика, в котором лежали «Векселя Удачи» – маленькие конвертики счастья.

«А что случается с теми, кто не верит в силу удачи? Почему Министерство избавляется от тех кто полагается только на разум и не желает покупать заветные конверты?»

Он знал лишь то, что говорили по телевидению – их высылали за пятидесятый километр, в гиблое место для отбросов общества, обнесенное колючей проволокой и они пропадали, будто и не было этих людей никогда. Министерство Удачи располагалось на углу Сорок пятой и Двадцать шестой улиц и выглядело впечатляюще.

Монументальное здание выкрашенное в оранжевый цвет заполняло собой все пространство и на его фоне остальные серые здания казались карликовыми. Огромная вывеска как флаг трепетала на ветру и гласила: *«Верьте в удачу и она сама прыгнет вам в руки!»* Каждый житель Пышвилля знал,

что это наиболее важное учреждение в городе. Запрещалось также не верить в удачу. Это попросту было наказуемо. Если человек решался приобрести заветный конверт, то он уже был просто обязан его вскрыть.

– Эй, Грег! – окликнул его низкорослый и полноватый с виду мужчина – готов окунуться в рутину?

Ричард Макласкин, будь он неладен, направлялся к Грегу держа в руке точно такой же оранжевый чемоданчик.

– Привет, Ричард! – вымученно улыбнулся Грегори и посмотрел на часы. – У нас есть пять минут до того как двери автоматически закроются. – А я разве задерживаю тебя? – нарочито удивленно протянул Макласкин. – Расслабься, Грег! Ты в последнее время какой-то зажатый. Он картинно закатил глаза и изображая привратника открыл большую стеклянную дверь, пропуская вперед.

– Продуктивного рабочего дня тебе! – и добавил, изобразив серьезную мину – Возьми конверт и-и...

– Вскрой удачу, – вяло промямлил Грег..

Все эти речевки и слоганы каждый сотрудник компании должен был знать, что называется «на зубок». А если вдруг ты забудешь или не захочешь приветствовать коллегу как заведено, то пеняй на себя – будешь отрабатывать коммивояжером с конвертами в зубах целый месяц. Неблагодарная это работа – обивать пороги не желающих купить удачу граждан, нет они делали вид, что верят, но вот покупать ее почему-то не желали и придумывали всевозможные отговорки.

Поэтому Грег предпочитал не связываться с Макласкиным и подыгрывал тому, чтобы тот в свою очередь не пожаловался директору – Джеку О» Коннеллу. Грег вообще старался не вникать в корпоративные дразги, которые любили разводить скучающие продавцы удачи в офисе.

Кабинет Грега располагался в конце длинного коридора, стены которого были окрашены в желтый цвет, на третьем этаже, но для того, чтобы туда попасть нужно было пройти мимо Вездесущей Лотти. Эта дама была настоящим цербером средних лет. Ее взгляд казалось буравит человека насквозь, вытряхивает карманы и сканирует мозг одновременно. Нельзя было определить сколько ей точно лет, но уложенные в высокую прическу светлые волосы и вязаная кофточка, наталкивали на мысль, что около сорока или чуть больше и она точно одинока, потому что на работу приходила первой, а уходила всегда последней. Казалось, она живет на своем посту, потому что никто никогда не видел ее пустующее кресло.

– Доброе утро, Лотти, – Грег быстро проговорил и попытался прошмыгнуть мимо ее стола.

– Мистер Чейз, вам назначена встреча. Клиент ждет вас в кабинете, я его проводила. – Она буравила своим взглядом поверх очков.

– Спасибо, – попытался скрыть замешательство Грег, ведь он не ждал клиента так рано и добавил улыбнувшись – возьми конверт...

– И вскрой удачу! – Лотти выпрямилась во весь рост. В кабинете было темно. Бывало Грег задерживался допоздна и всегда в таких случаях затягивал тяжелые плотные шторы. А утром прежде, чем зайти в свой кабинет, включал свет. И сейчас нащупав правой рукой выключатель возле двери, он ожидал увидеть только задернутые шторы и рабочий стол, но никак не висящего под потолком, прямо над этим самым столом, человека, лицо которого сморщилось под тяжестью собственного тела, а руки безвольно висели. Губы напомнили Грегу перезревшую сливу, настолько они посинели. Мужчина был облачен в серый костюм и черные лакированные туфли. На нем не было галстука и Грег догадался, что собственно на нем он и повесился.

«Верь в удачу – и она сама прыгнет тебе в руки!» – промелькнуло в голове. – Лотти, будьте добры, вызовите полицию и скорую помощь! – прокричал он в открытую дверь.

– Звонила ваша жена, мистер Чейз, – Лотти принесла большой розовый конверт с векселями и протянула Грегу. – Следующий клиент у вас через пятнадцать минут.

Она холодно улыбнулась, затем, мельком взглянув на висящего под потолком клиента, сказала:

– Я вызвала полицию и скорую помощь. – Да-да, спасибо. – Рассеянно пробормотал Грегори и зашагал в противоположный конец коридора – там располагалась совещательная комната.

– Мы даем гарантию, что вам обязательно улыбнется удача, мисс Дилан. – Напротив Грега сидела женщина лет шестидесяти и теребила розовый конверт своими маленькими пухлыми ручками, украшенными двумя золотыми перстнями. Ее седые уложенные вокруг головы букли подрагивали всякий раз, когда она откашливалась, чтобы спросить у сидящего напротив нее сотрудника о векселях и их чудодейственной функции.

– Вы должны меня понять, я ведь продам единственное свое жилье, чтобы купить удачу. И мне бы хотелось иметь гарантии на случай, если ничего не получится. – Мисс Дилан, этого просто не может быть. Все, кто верит в удачу, обязательно ее получают! Мы не были бы теми кто есть, если бы обманывали своих клиентов. Вы вскрываете конверт, читаете четыре слова, которые были специально для вас и вашей ситуации написаны и дело в шляпе, – Грег пытался подавить нападающий на него приступ зевоты. Он встал и подошел к окну.

Дождь закончился, и ветер гнал слегка сухие желтые листья по улицам так, что они кружились и падали на прохожих, лавки стоящие вдоль тротуаров и до сей поры чистую площадку на заднем дворе Министерства. Дождь из листьев. И почему раньше Грег не смотрел в окно, а закрывал их плотными шторами, предпочитая искусственное освеще-

ние?

«Почему он повесился в моем кабинете?»

– В конце концов, вы можете спокойно подумать, я вас ни к чему не принуждаю, – развернулся он лицом к клиентке и в очередной раз улыбнулся. – Мой муж ничего мне не оставил, – с горечью произнесла мисс Дилан и театрально поджала губы в розовой помаде. – Поэтому я хочу начать свой бизнес сейчас, у меня есть небольшие сбережения, чтобы было на что дальше жить, но мне нужна удача в этих делах. Зазвонило встроенное в стол переговорное устройство и откуда послышался голос Вездесущей Лотти:

– Мистер Чейз, на первой линии ваша жена, – звук был выставлен на максимум и в устройстве что-то засвистело.

– Спасибо, Лотти, – Грег отключил аппарат и взглянул на сидящую перед ним женщину. – От вас требуется только вера в удачу, мисс Дилан. Я дам вам свой номер телефона, оплату можно произвести в течение недели, после чего вы сможете забрать конверт – женщина пожалала протянутую Грегором руку и взяла у него визитку.

– Надеюсь, вы прочли условия договора? Я посылал вам его по почте.

Женщина кивнула в знак согласия. – Спасибо, мистер Чейз, – она довольно улыбнулась. – Я провожу вас, у меня обеденный перерыв, – он открыл дверь и пропустил мисс Дилан вперед. В коридоре никого не было – Лотти, вероятно, тоже ушла обедать. Поэтому распрощавшись с мисс Дилан,

Грегор зашел в свой кабинет, но мертвеца уже не было. Ничто не напоминало утреннюю картину.

«Уборщики работают эффективно и бесшумно, как и полиция» – подумал он.

Этот мужчина. Как его звали? Он ведь приходил к нему на прошлой неделе и с горящими глазами просил заветный конверт, говорил, что хочет изменить свою жизнь. Каким образом он хотел ее изменить? Вероятно, уехать из Пышвилля. Что же случилось? Почему он не уехал?

Обычно Грегор обедал в китайском ресторане, располагавшемся в двух кварталах от Двадцать шестой улицы, но сегодня ему не хотелось идти привычным маршрутом и он свернул в парк. Там было не так многолюдно, как во все предыдущие рабочие дни. Вероятно, усилившийся ветер отпугнул людей своей промозглостью и те устроились в многочисленных маленьких ресторанчиках вдоль улицы и смотрели на парк сквозь окна.

Он сел на ближайшую, еще влажную от дождя, лавочку и глубоко вдохнул воздух – пахло прелыми листьями и какой-то свежестью. Есть не хотелось. Какой-то седой старик вел на поводке свою длинную таксу и она периодически застывала на месте, уткнувшись носом в траву. Невысокая девочка в синем берете стояла неподалеку. Ее темно-рыжие волосы волнами падали на плечи как огненная лава, она держала синий тонкий поводок на конце которого сидел маленький бело-рыжий щенок. Его уши почти касались земли. Де-

вочке на вид было лет четырнадцать. Она заметила, что Грег смотрит на ее собаку и приблизившись сказала:

– Это Бумбо. Мне его подарили на день рождения, – она улыбнулась. – А у вас нет собаки?

Грег от неожиданности на секунду потерял дар речи.

– Моя жена... Она не любит животных, – он вдруг с изумлением подумал, что был бы не против завести пса.

– Меня зовут Маргарет, – протянула она руку в приветствии. Грегор молча пожал прохладную маленькую ладонь. – А вы неразговорчивый, мистер Чейз, – она взяла на руки щенка. – А откуда вы знаете как меня зовут? – он встал и погладил собаку за ухом.

– У вас бейджик, – она посмотрела на прикрепленный к пиджаку Грега пластиковый прямоугольник.

– Ах, да. Я забыл его снять, когда пошел на обед, – он снял бейджик и сунул в правый карман пиджака.

– Но так и не дошли, – насмешливо продолжила за него девочка.

– А где вы работаете?

– В Министерстве Удачи, – кивнул он неопределенно в сторону. Улыбка слетела с прелестного личика девочки и она серьезно окинула его взглядом.

– Удачу значит продаете, – она отпустила щенка и тот начал играть с кленовым листом, который прилетел с дерева.

– А вы что же не верите в нее? – Он удивился.

– Вы же знаете, что нельзя допускать такие преступные

мысли – можно угодить в психиатрическую лечебницу или за пятидесятый километр, поэтому отвечу как все – верю. Ее тон показался ему насмешливым. Мужчина внимательно посмотрел ей в глаза. Маргарет улыбалась, но было в ее взгляде что-то до боли знакомое – может быть это блики грусти? Какое-то мимолетное ощущение проникло под его кожу, но он не мог определить что это.

– А вы любили в детстве вот так делать? – девочка сгребла кленовые листья в кучку и резким движением ноги подняла их вверх. Вихрь из листьев тут же закружился и понесся по направлению к тротуару. Щенок весело поскакал за ними. Маргарет отпустила поводок и пес, почувствовав свободу, начал радостно прыгать и пытаться поймать эти листья.

– Честно говоря, я уже не помню, – Грег пытался вспомнить, что он любил делать будучи ребенком, но на ум приходили лишь мысли о жене и о висящем над столом клиенте. Странно, но мужчина не чувствовал сочувствия или какой-то жалости к этому человеку. *«Она спрашивает меня о детстве, но я практически ничего не помню.»* – подумал Грег. Он не мог припомнить родителей и даже младшую сестру. Все как будто размылось. Лишь смутные представления о том, что все они были его семьей пеленой проskalьзывали где-то в глубине его памяти, как в замедленной кино съемке. Мужчина совершенно не помнил их лиц. Все пространство воспоминаний занимала жена, которая с утра до ночи смотрела сериалы о любви и семейных ссорах – и ра-

бота. Конверты с удачей, которые надо было продавать людям, мечтающим изменить что-то в жизни. Удача и висельник. Как это можно связать воедино?

– Одноклассники считают меня странной, даже наверное сумасшедшей, – прервала молчание Маргарет. – Ведь я предпочитаю делать непопулярные вещи.

– Какие, например? – Грег старался не выдавать излишнего любопытства, но эта девочка действительно казалась ему немного странной. – Я люблю подставлять язык и ловить капли дождя. Вы знаете, что у дождя есть вкус? – она взяла палочку и бросила ее на дорожку. Щенок тут же бросился на поиски. – Нет, я как-то признаться не припомню такого, – ему никогда не приходило в голову попробовать небесные капли на вкус. Они шли медленным шагом по дорожке и девочка то поднимала палочку, то выбрасывала ее далеко вперед – щенок всякий раз приносил ее обратно.

– А еще я предпочитаю самостоятельно определять, чем мне стоит заниматься, а на что не стоит тратить время. Мои одноклассники говорят, что все это проявление эго и неверие в везение. Я считаю, что вера, безусловно, может придавать уверенности, но все же многое, если не все, зависит от конкретных действий человека. А вы как считаете?

– Как бы правильно выразиться, я точно не знаю, ведь я кажется всегда верил в удачу, – поразмыслив ответил Грег. – После окончания школы я поступил в университет и будучи уже студентом купил конверт. Удача улыбнулась мне и я по-

пал на стажировку в Министерство Удачи. Там и тружусь вот уже пятнадцать лет. – И ничем больше не занимаетесь? – удивилась девочка. – Вас кроме продажи конвертов с удачей ничего не интересует?

Он не знал, что ответить.

– Мой обед закончился, – поспешно ответил Грег первое, что пришло в голову и посмотрел на часы. Мужчина прима-нил щенка, показав ему кленовый лист, затем погладил шелковистую шерстку животного. Что ответить ребенку? – Вы часто здесь с другом гуляете? – попытался перевести он тему. – О, да. Мы здесь почти каждый день. Я сразу после уроков прихожу сюда выгуливать Бумбо и иногда по утрам, перед школой. До свидания, мистер Чейз.

– Было приятно познакомиться, – и он зашагал по мокрому тротуару в сторону Министерства. Капли дождя стекали с листьев деревьев и падали на его волосы и плечи, но он как будто не замечал их. Все мысли были заняты этой необычной во всех отношениях встречей. На секунду мужчина замешкался и оглянулся. Маргарет смотрела ему вслед.

«Чудная девочка.» – подумал Грег. – «Вкус дождя... Разве вода имеет вкус?»

***

В гостиной не было света, только две толстые свечи плавились в подсвечниках в центре стола – он имел форму ова-

ла и стоял посреди комнаты, заполняя собой почти все пространство. Аккуратно расставленные столовые приборы расположились на противоположных сторонах белой вышитой скатерти – так предпочитала ужинать Люси.

Грегори закрыл за собой входную дверь и поставил свой чемоданчик на обувницу, стоящую возле стены в прихожей. Пахло печеным мясом и специями. – Тебе звонил Макласкин, – вышла из кухни Люси, облаченная в черное элегантное платье в пол. – Он сказал, что к вам в офис приходил инспектор Миллер и хотел встретиться с тобой, но не застал – ты уже ушел. – Это, наверное, по поводу одного из моих клиентов, – он снял пиджак и повесил его на спинку стула.

– Какого клиента? – жена поставила в центр стола большое блюдо с запеченной индейкой. – Сегодня в моем кабинете повесился человек, – отодвинул стул для Люси. – Он не мог найти для этого другое место? – с раздражением спросила женщина и села.

– Я не... – не успел закончить фразу потому что Люси, нажав на кнопку телевизионного пульта, радостно хлопнула в ладоши. – Смотри, шоу семейки Кингсли начинается! Представляешь, мы с Милдред сегодня поспорили, кто из этих родственников на этой неделе заработает больше очков. И знаешь, что она сказала? Их получит Николас! Нет, ты можешь себе это представить? Николас! Господи, у Милдред совсем нет ни малейшего представления о фортуне. Да она всегда такой была, еще в школе – невезучей, – и женщи-

на засмеялась своим трескучим смехом.

– И кто же получит эти очки? – безучастно спросил Грег, он совершенно не чувствовал вкуса индейки, хоть и испытывал голод. – Конечно, это будет Джейн! – с некоторым удивлением в голосе ответила Люси и закатила глаза для убедительности.

Она ела мясо с аппетитом и запивала его красным вином из широкого бокала. На экране творилось между тем полнейшая какофония: какие-то люди бесконечно ругались и спорили, некоторые из них в порыве злости швыряли вещи. Невозможно было понять, о чем они спорили и кто прав. Какой-то мужчина схватил молодую девушку за руку и с силой швырнул ее на диван. Его красное перекошенное злобой лицо показали крупным планом. Глаза налитые кровью казались вот-вот выскочат из орбит, а вздутые на шее крупные вены начинались где-то под его рубашкой и уходили в заросли рыжих волос в районе ушей. Он напоминал мультяшного персонажа – силача, который должен поднять двухтонный грузовик и швырнуть его в сторону. Вероятно, это и был Николас. Все это сопровождалось нестерпимо громкой музыкой, она грохотала так, что вино в бокале расходилось кругами в такт от центра к краю. Грег чувствовал, что смертельно устал от этого хаоса и у него разболелась голова.

– Люси, переключи канал, пожалуйста, – тихо сказал и потер пульсирующие виски. Но жена его не слышала – она продолжала жевать мясо и с интересом смотреть на экран. Тогда

Грег встал, взял в руки пульт и переключил канал. Женщина подскочила:

– Что ты делаешь? Я же смотрю шоу! – она со злостью швырнула на стол салфетку.

– Ты как вампир – высасываешь мои нервы и энергию! Приходишь со своей работы и начинаешь меня изводить! – она выскочила из гостиной и через минут Грег услышал как включился телевизор в спальне.

Тем временем начались вечерние новости и на экране появилось улыбающееся лицо симпатичной белокурой женщины. Она вещала:

«Обстановка в Пышвилле все еще достаточно криминогенная. Сегодня в районе шести часов вечера один из рыбацких на берегу реки людей заметил, как неизвестная женщина прыгнула с моста. Бдительный гражданин вызвал полицию, но приехавшие на место трагедии полицейские не смогли помочь утопленнице. По предварительным данным имя погибшей Аманда Дилан и она имела некоторые финансовые трудности.»

Фотографию погибшей показали крупным планом и Грег побледнел.

Странно видеть лицо уже мертвого человека, когда еще буквально три часа назад он сидел перед тобой и был вполне здоров и счастлив.

«Макласкин. Сукин сын! Это он продал ей конверт. Она должна была позвонить мне! А что бы это изменило?» – с грустью подумал мужчина.

«Почему все это происходит со мной? Две смерти за один день!»

Внезапно, им овладела такая злость, что он, едва сдерживая быстрый шаг, прошел в прихожую, схватил рабочий чемоданчик и минуя гостиную, подошел к большой стеклянной двери, ведущей на задний двор. Непроглядная тьма смотрела на него с улицы. Лишь пара фонарей, с приглушенным светом, висящие по бокам от двери, освещали террасу, прилегающую к дому. На деревянном настиле в ряд стояли цветы в глиняных горшках – Люси высаживала их и ухаживала до поздней осени. Грег посмотрел на часы, висящие над камином – было почти восемь часов.

Он распахнул дверь и не осознавая до конца, что хочет сделать, направился к гаражу стоящему на противоположной стороне небольшой лужайки. Ледяной порывистый ветер царапал разгоряченное лицо. Грег поежился – тонкая белая рубашка не спасала от холода. Из приоткрытого окна их с женой спальни доносилась громкая музыка вперемежку с криками людей, прерываемая только блоками рекламы. Он вплотную подошел к гаражу и нащупав в правом кармане брюк связку ключей, открыл увесистый старый замок. Этот

гараж построил еще отец Грега, когда тому было лет десять, и раньше там стоял автомобиль марки Форд, а теперь лишь садовые инструменты да цветочные горшки.

В помещении было темно. Он протянул руку справа от дверного косяка и нащупал выключатель. Свет озарил своим теплым желтым светом небольшую комнату без окон. Шланги для полива лужайки, грабли для сгребания листьев, лейки и лопаты всевозможных размеров – все было на своих местах. Небольшой переносной фонарь с железной ручкой стоял на невысоком деревянном столе справа. Грег взял его в руки и включил – батарейки еще не разрядились. Пошарив рукой по навесной полке, прикрепленной к стене на уровне его глаз, он нащупал спичечный коробок – жена предпочитала курить на террасе и чтобы спички не намокли под дождем складировала их в гараже. Затем схватив фонарь в одну руку и чемоданчик в другую он быстрым шагом направился на середину газона.

Тьма поглотила все пространство вокруг дома, это был один из поздних осенних вечеров, когда звезд на небе не было видно. Лишь свет из распахнутой двери гаража да луч фонаря освещали чуть влажную после дождя траву и прилетевшую с деревьев листву. Грег открыл чемоданчик и посмотрел на маленькие конверты. Их было немного. Из окна спальни теперь лилась тихая классическая музыка, ее звук вибрировал волнами, заставляя сердце Грега отбивать ритм в унисон. «Зачем все это? Мы как будто не живем, а функ-

ционируем по заранее спланированному кем-то плану. Кто заставил нас думать будто удача решает в нашей жизни все? Куда подевалось наше сочувствие, живое общение и человечность? Во что мы верим?» – мужчина стоял посреди лужайки в тусклом свете и задавал себе бесчисленное количество вопросов на которые у него не было ответов. Он жил так всегда. Все, что он имеет, присутствует в его жизни как данность, как неизбежность, как безысходность.

«Вас кроме продажи конвертов с удачей ничего не интересует?» – вспомнил Грег большие круглые глаза и рыжие волосы.

Он взял один из конвертов и вскрыл его. Абсолютно чистый розовый лист – ни слов ни цифр. «Он висит на галстуке. Она прыгнула с моста.» Грег силился вспомнить, что было написано на его конверте пятнадцать лет назад, но не смог. «А было ли там хоть что-то?» Мужчина вытряхнул содержимое кейса на землю – Векселя Удачи рассыпались по земле словно стая маленьких цыплят. Он чиркнул спичкой и пламя охватило бумагу, затем сгреб рассыпавшиеся конверты ногой в одну кучу и смотрел как они догорают. В его глазах полыхал огонь, но то не было отражением догорающих в ночи доказательств человеческого цинизма, то были отблески истинного гнева. Хрустнула ветка дерева, коих было достаточно возле их дома. Грег обернулся и осветил фонариком в темноту небольшого сада за гаражом, разбитого отцом мужчины четверть века назад и сейчас пребывающего

в запустении, но ничего не увидел.

– Брысь отсюда! – злобно выкрикнул он в пустоту.

– Кому это ты? – вышла на террасу Люси, облаченная в длинную ночную рубашку. Она затянулась сигаретой. Он не заметил как музыка стихла и дом погрузился в молчание – это означало, что жена в скором времени должна выйти на перекур.

– Лисы расплодились и теперь бродят в саду. – Он схватил праздный кейс и зашагал в дом.

– Что ты натворил? – завопила жена, кинув взгляд на пустой чемоданчик. Она поспешно потушила сигарету и быстро зашагала в дом вслед за мужем.

– Теперь ты точно лишишься работы! Чего ты добиваешься? Чтобы мы пошли жить под мост? – ее высокий пронзительный голос звучал так будто кто-то раз за разом водит ногтем по окрашенной школьной доске. Раздражающе и мучительно протяжно буравили изможденный мозг Грега слова жены.

– Я содержал тебя пятнадцать лет, с тех самых пор как мы поженились, – он резко развернулся к ней лицом.

– Все эти годы ты только и делаешь, что говоришь мне как мало я зарабатываю. Твой досуг состоит из просмотра бесполезных, лишенных всякого смысла телепередач. Какая польза от всего, что ты делаешь? Может тебе тоже пойти и немного поработать, проникнуться процессом зарабатывания денег, которые ты тратишь направо и налево! И да – я не стану

покупать очередной телевизор в гостинную, – с этими словами он швырнул кейс на занимающий половину комнаты мягкий диван, обитый бежевой плюшевой тканью и направился в спальню. Затем вытащил из шкафа черный вельветовый пиджак, накинул его на плечо. Лучше будет, если он немного пройдетя по улице, чем будет находится здесь и спорить до утра без какого-либо результата.

– Сбегаешь как всегда! Трус! – прошипела Люси ему вслед. В ее блеклых голубых глазах сверкали блики гнева, но даже они были тусклыми как запачканное разбитое стекло.

***

Прохладный ветер обдувал разгоряченные щеки и лоб Грега. Воздух был свеж и чист после дождя. Темнота накрыла город словно крылья гигантской птицы и только огни в высотных зданиях целились в небо без звезд. Все в этом месте вдруг показалось мужчине таким огромным и тяжелым как будто он застрял в какой-то трубе и не мог выбраться, а стенки холодного бетона сдавливали его грудь. Дыхание сбилось и сердце отчетливо отбивало ритм в ушах.

«Кто я? Где я? Эти люди... Они верили. Они хотели изменить жизнь, которую уже спланировали за них. Сотни, а может быть тысячи жизней сначала заставили поверить в чертову удачу, обобрали, а потом списали за нена-

добностью.»

Грег подошел к центральному входу Министерства Удачи и посмотрел вверх. На двадцатом этаже в двух окнах горел приглушенный свет. На пульте охраны никого не было. Он приложил электронный чип к домофону и двери с шумом распахнулись, выпуская в осеннюю промозглость теплый спертый воздух.

Мужчина решил не привлекать к себе лишнего внимания и поэтому минуя лифт направился сразу к лестнице. На третьем этаже, едва освещая обстановку офиса, красным приглушенным светом горели лампы сигнализации. Быстро бросив взгляд на пустующее кресло Лотти он направился к столу секретарши, где располагалась кнопка, которую необходимо было нажать. Лампы автоматически отключились и вновь засияли желтым ярким светом. Много лет он приходил сюда каждый день и верил в то, что делает для людей благо. Но он не замечал очевидного – многочисленные клиенты, которые побывали в стенах Министерства все как один верили, что удача спасет их. Они думали, что купив конверт избегут ответственности за свой выбор. Да что и говорить, сам Грег в это верил. Но как же больно было вдруг опомниться и понять, что вся твоя жизнь и значимые люди давно позабыты, погребены под слоем невидимой пыли. Что ты сам себя давно потерял. Твои мечты, цели и желания просто сгнули пока ты барахтался выполняя чей-то чудовищный план – навязать всем веру в абстракцию, которую нигде нельзя приме-

нить.

Он с шумом распахнул тяжелую дверь. В полумраке мужчина увидел лишь очертания мебели и массивного стола стоящего напротив. Ему не хотелось включать яркий свет и он, проследовав к своему рабочему месту, включил маленькую настольную лампу. Тусклый луч охватил поверхность стола. Грег один за одним вытаскивал выдвижные ящики и вытряхивал содержимое на пол. Конверты рассыпались возле ног мужчины, образовав небольшой холмик.

«Еще не поздно вернуться назад и притвориться, что ничего не произошло. Сделать вид, что ничего не понял. Лечь в свою постель и заснуть беспробудным сном».

Но он не мог этого сделать потому что все уже понял. Назад пути нет. Мужчина вытащил из нижнего ящика забытую некогда одним из клиентов зажигалку и большим пальцем откинул железную крышку. Огонек вспыхнул синим тусклым пламенем, подсвечивая дрожащую руку. Грег разжал пальцы и зажигалка упала прямо на конверты. Огонь увеличивался и рос, набирая силу, поглощал бумагу, ножки стола и стула пока наконец не добрался до тяжелых плотных штор. Грегори тихо спустился по той же лестнице по которой поднялся наверх. Сработала сигнализация и вой сирены наполнил здание как воздух заполняет вакуум. Выходя из здания он слышал топот ног охранников, поднимающихся по лестнице вверх.

Он шел в направлении центрального парка. Тонкие по-

дошвы ботинок утопали в мягких осенних листьях, кучками лежащих вдоль тротуара. Фонари светили слабо и уныло и в их свете можно было разглядеть лишь неясные тени проходящих мимо людей. Они скользили почти бесшумно и совсем рядом так, что он ощущал их запах. Мимо с воем и мигалками проносились на огромной скорости пожарные и полицейские машины. Поравнявшись со входом в парк он взглянул на наручные часы – на электронном циферблате высветилось «десять часов – восемь минут». Грег проскользнул в приоткрытые ворота.

Тишина заполняла пространство между деревьями. Людей не было видно. Дорожки освещались небольшими фонарями стоящими возле лавочек. Он выбрал одну спрятанную за толстым стволом дерева и присел на нее. Поежившись от ветра, мужчина плотнее завернулся в пиджак и обхватил руками плечи. Затем прилег на неровную шероховатую поверхность скамейки и тяжело вздохнул. Уставшие веки вдруг отяжелели и медленно опустились на воспаленные гарью и копотью от горящей мебели глаза.

***

Его разбудило рычание собаки и тихое недовольное бурчание какой-то женщины.

Он открыл глаза и сел. Затем взглянул на часы – было почти семь утра. В парке выгуливали собак несколько чело-

век и он надеялся увидеть девочку в синем берете и ее пса, но их не было видно. Грег посмотрел в пасмурное безоблачное небо и тут же несколько капель упали ему на щеки и лоб. «Вы знаете, что у дождя есть вкус?» Он осторожно высунул язык и поймал одну каплю. И вдруг вспомнил как в детстве мама говорила, что нельзя слизывать дождевые капли и есть снег. Он представил ее лицо так живо и ясно, как будто только пару минут назад говорил с нею. А еще Грег вспомнил, что очень любил клеить бумажные корабли из наборов для мальчиков. Их необходимо было сначала вырезать из большого листа бумаги, а затем собрать, следуя инструкции, закрепив клеем для надежности. Как он мог все это забыть?

Тем временем послышался вой сирен и в парк один за одним влетели полицейские держа правую руку на кобуре с пистолетом. Они бежали к нему через лужайку, на которой, несмотря на осенний холод, все еще росла зеленая трава. Собачники с любопытством уставились на них.

– Инспектор Миллер! – возникло перед глазами Грега удостоверение. – Вам придется пройти с нами.

Грег медленно поднялся и выпрямился. Перед ним стоял высокий человек в темно-синем пиджаке, который смотрел серьезно и выжидающе. Но для продавца удачи все это было уже неважно.

«Капли дождя действительно имеют вкус.»

И для каждого человека он свой. Для Грега это был вкус давно забытых воспоминаний и родных лиц, которые улыба-

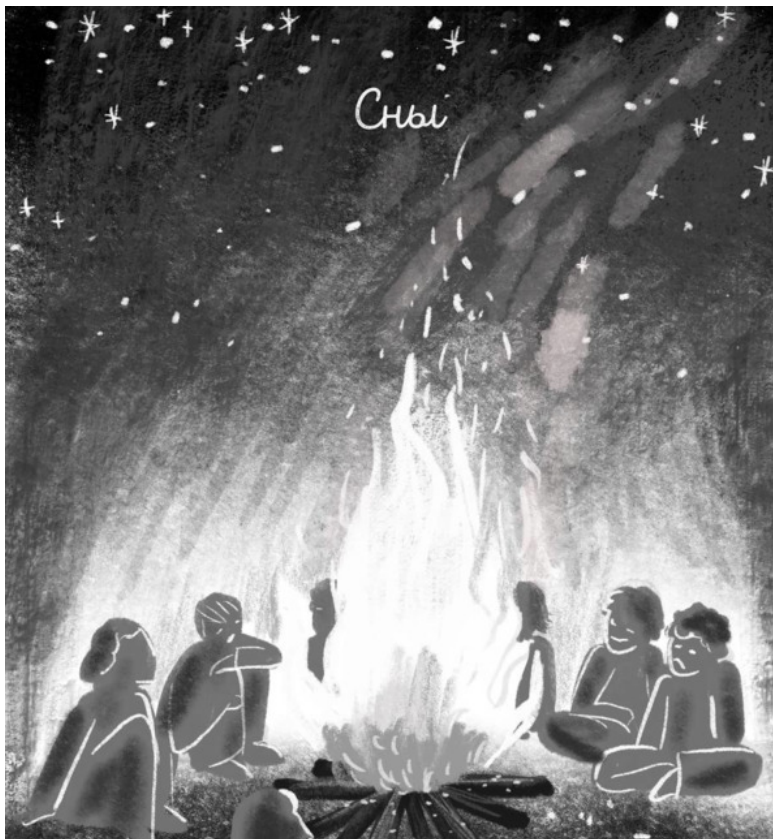
лись ему сквозь время.

Наручники защелкнулись на запястьях мужчины с неприятным треском. Он почувствовал на себе ее взгляд. Подняв голову мужчина увидел Маргарет. Она стояла поодаль держа на поводке Бумбо и улыбалась. Солнце светило сквозь волнистые волосы, образуя оранжевый ореол. Грег улыбнулся в ответ. Впервые за очень долгое время он ощутил умиротворение. Ему вдруг открылась вполне простая истина, которую он раньше не замечал:

Если человек начинает искренне верить в то, что он может притянуть или купить удачу, а опыт ему подкинула судьба – это притупляет его способность мыслить, объективно оценить реальность, в которой мы каждый день делаем выбор и который в свою очередь ведет нас к последствиям.

Надежда Матузова

СНЫ

Сны сидели у костра и грелись. Погода выдалась промозглая, только и радости было: то один бочок к огню повернуть, то другой. Их мало заказывали, почти никто не исчезал в темноте. Только Сон без Сновидений беспрерывно шастал туда-сюда, раздражая остальных. Он был никчемный, никакой, но этой ночью пользовался большой популярностью.

Сны скучали. Они любили, когда их ждали, на них смотрели, о них вспоминали и о них рассказывали.

Компания была небольшая: Смешной Сон, Вещий Сон, Страшный Сон, Большой Сон, Летающий Сон, Плачущий Сон, Сон без Сновидений. Эротический Сон как всегда шлялся по бабам.

Когда Сон без Сновидений в очередной раз сорвался с места и убежал, Вещий Сон нарушил молчание. Он был самый старший, даже можно сказать древний.

– Этой ночью, видно, работы будет немного. Давайте хоть поговорим. Мы так редко собираемся вместе, – сказал он. Смешной Сон рассмеялся и одобрительно закивал головой, Страшный Сон скорчил рожу, по которой было непонятно, согласен он или нет, Плачущий Сон всхлипнул и прошептал, что готов поделиться, Летающий Сон всплеснул руками как крыльями, Большой Сон молчал... Все оглянулись на него и увидели, что Большой Сон ...спит.

– Пусть немного отдохнет, – решил Вещий.

Договорились, что каждый расскажет что-нибудь из своей

практики. Долго молчали, выбрать было трудно.

– Ну, ладно, раз я предложил, начну. Память уже подводит, поэтому расскажу совсем свежий, – Плачущий всхлипнул, – не реви, – обратился он к Плачущему.

– Это было год или два назад. Уже несколько ночей я приходил к молодой женщине, и каждый раз приносил ей одни и те же цифры: 213 35 57. Она ничего не понимала, поэтому приходилось приходить опять и опять. Я же Вещий, меня же надо разгадывать. Но могу приходить только раз в неделю, с четверга на пятницу. Поэтому у нее было много времени, чтобы обо мне подумать. Сначала она решила, что это номер телефона. Пыталась дозвониться, ставила цифры и в прямом и в обратном порядке, но... таких номеров не существовало. Потом она сложила все цифры и получила 8, но, что это такое, было непонятно. Я ведь и сам не знаю, что приношу людям, поэтому помочь не мог. После того, как я побывал у нее в третий раз, ей пришла в голову идея, что это особые вехи в ее жизни. Когда ей было 2 года, из семьи ушел отец, когда 13 лет – умерла мама. Но... ей самой было 29 лет, и она могла только гадать, что произойдет с ней в 35 и 57 лет. Это объяснение тоже не годилось. Она воспитывалась в детском доме, потом ее взяла приемная семья, где ей не очень сладко пришлось. Теперь она была замужем и очень удачно, как ей казалось до недавнего времени. Но буквально за пару месяцев до моего прихода, у мужа участились командировки и работа за полночь. Она подозревала, что у него кто-то появился.

Прямо спрашивать было невозможно, следить самой тоже... вот если нанять частного детектива? Но ситуация разрешилась простым способом. Как-то консьержка, отдавая ей ключи, сказала:

– А твой-то гуляет. Мне «коллега» из соседней парадной сказала. И даже квартиру назвала – 3557. А дом у них был 21 корпус 3. Так что все было совсем неподалеку.

– Ну, а дальше что? – Спросил Летающий.

– Не знаю, я ведь с ней больше не виделся, – ответил Вещий.

Помолчали.

– Не хочу вас пугать, – вздохнул Страшный, – поэтому просто немного аналитики. Я уже давно пытаюсь вести подсчет, чего мои клиенты больше всего боятся. Из-за каких сюжетов даже боятся засыпать? Тенденция есть... основная составляющая их – невозможность дышать. Большинство клиентов просыпается, я же их и бужу. Но есть такие, что задыхаются во сне. А видят они перед этим разное: кто – под водой, кто – под землей, кого-то душит убийца... —

– Друг, такая хорошая ночь, – обратился к нему Смешной, – давай вот без этого. Не обижайся.

– А я и не обижаюсь, – сказал Страшный, – я сам их боюсь, но работа такая.

– Давайте лучше я, – начал Летающий, – у меня такая хорошая клиентура: дети, которые растут и подростки, которые созревают. Все долго помнят ощущение полета и дол-

го ищут его потом в бессонной жизни, пытаются пить, курить, принимать наркотики. Но... это все не то. Самое чистое ощущение полета только в детстве и юности. Это переживание восторга, легкости, свободы. Таких снов ждут, вызывают, но я прихожу редко и не ко всем. Так у меня в должностной инструкции написано, я бы и хотел чаще, но... Мне и самому нравится с ними летать, видеть землю, а иногда и не Землю под собой.

– Да, – вступил Смешной, – мы ведь только ключики. Открываешь дверку в подсознание и сам не знаешь, что там увидишь. Иногда просто обхохочешься.

– Или обрыдаешься, – возразил Плачущий, – я ведь часто плачу вместе с ними. Такого, бывает, насмотришься. Кстати, не всегда плачут от горя, бывает, от радости, осознания, что счастье, которое переживают в этот момент должно вот-вот закончиться. Во сне же все мимолетно. Так что мои места пребывания вокзалы, кладбища, больницы, тюрьмы, в общем, все какие-то казенные учреждения. Но, бывает, и мне везет. Тут недавно девушка плакала от избытка чувств, увидела во сне море, раскинула руки и заплакала.

Шумно прибежал Сон без Сновидений и начал жаловаться, что в эту ночь он прямо с ног сбился и очень устал. На него зашикали: —

Тише ты, Больной спит.

– А почему бы и нам не поспать пока вызовов нет, – подытожил Вещий. Сны угомонились. Все беседовавшие заснули

вокруг костра, и только проснувшийся Большой грелся и поддерживал огонь. Он чувствовал себя лучше. В эту ночь ему не пришлось ни с кем вместе болеть.

Сюрприз

Я уже различал утренние звуки: на верхнем этаже в туалете сливали воду, плакал ребенок. За стенкой рядом бранились вечно пьяные супруги. Утро наступило, но я... боялся проснуться. Для меня это было фатально. Я боялся столкнуться с неизбежностью, с тем, что произошло вчера, с его последствиями. Как только я открою глаза, оно накроет меня, как осенние листья в октябре устилают газон под моим окном, как снег покрывает в декабре могилы на кладбище... Вот именно, могилы... Я заставил себя открыть глаза.

– Главное, не торопиться, – отдал я себе приказ, – все делай медленно и осторожно.

Я повернулся на бок. Да, все, к сожалению, было на своих местах и стол и стулья и... окровавленный труп. Этот сукин сын, этот плешивый кот ворвался вчера в мою квартиру с ножом в руках. От него он и погиб, но... как докажешь, что это была самооборона. Свидетелей не было.

В своей жизни я прочел и посмотрел множество детективов, и понимал, что у меня два пути – позвонить в полицию или попытаться избавиться от трупа, что в условиях моего проживания было практически невозможно сделать днем и в одиночку.

Вид мертвого тела вызывал тошноту. Я взял свой рыбацкий плащ и накинул на лежащий труп. Стало немного легче.

Его вид уже не мешал думать и пытаться выстраивать панически бьющиеся в моем мозгу мысли. Доминанта «что делать», казалось, была внутри и вокруг меня.

Эх, какие были замечательные планы на сегодняшний воскресный день. Я собирался поехать на рыбалку, давно уже не получалось. А тут все сложилось. Всю неделю я представлял себе свое любимое прозрачное озеро, рыбацкий домик, такой маленький, как будто был построен для гнома, забор, который его окружал, и издалека выглядел как крашеный, а на самом деле был испещрен граффити теми, кто в этом домике побывал. Ничто, мечталось, не мешало погнаться за удачей и поймать если не золотую, то хотя бы обычную рыбку и не одну.

Зазвонил телефон. Номер был незнаком. В обычной ситуации я бы не взял трубку с неизвестным номером, значит, и сейчас не возьму. Но сбрасывать нельзя, иначе звонящий поймет, что я слышу его звонок. Придется терпеть.

Телефон звонил долго. Но я его перетерпел.

А потом пришло письмо. Это было именно письмо, а не смс, оно было таким большим, что заняло все свободное пространство, так что воздуха не хватило. «Я все знаю», – вот каким оно было.

А потом пришло еще одно: «Если поможешь мне материально, я помогу тебе». До его прихода я сидел на кровати в каком-то оцепенении, ничего не хотел: ни есть, ни пить, ни писать. Я уж думал:

– Все, жизнь кончена – ни плакать, ни любить... Но нет... я разозлился. Злость – это сильная энергия.

Встал: туалет, ванная, кухня... кофе. Тем временем пришло третье письмо с адресом, временем и суммой. Вот тут уже голова стала злой и ясной, и я был в состоянии проработать свой план.

Теоретически я представлял, каковы характеры шантажистов. Это люди, которые хотят нагреть руки исподтишка. Сами на открытую конфронтацию не пойдут, героев среди них нет.

Теперь я знал, что делать.

Первым делом я сел за компьютер и попытался отследить IP адрес того, кто мне писал. Это оказалось довольно просто. А когда я нашел в сетях его фото, то понял, что по поводу шантажиста я могу не тревожиться. Это была довольно известная в наших кругах личность, которая промышляла компьютерным гоп-стопом. Вскрывал телефоны «терпил» и посылал сообщение «я все знаю». У кого-то из них рыльце было точно в пушку и они хватали наживку. Но как его угораздило вскрыть меня... надо будет подумать над дополнительной защитой, а с этим недоростком разобраться... но это потом. Сейчас надо было толком рассмотреть пострадавшего.

Наверняка кто-то из вас, читатели, знает, что такое встречать Новый год одному: со всех сторон веселье, крики, тосты, залпы... А ты... В общем, я вчера изрядно наклюкался. Когда отгремели основные фейерверки, решил ложиться

спать. Только добрался до подушки, как в дверь квартиры постучали. Не позвонили, а именно постучали. Я не особо удивился, в Новый год все возможно. Пошел к двери и открыл. Мимо меня промчался невысокий вихрь. «Карлик?» – на это еще моего ума хватило. А дальше понеслось. Это точно был не ребенок, судя по тому, какие звук он издавал, хрипел и отхаркивался как взрослый мужчина. Он вбежал в комнату. На нем был маскарадный костюм, маска, а в руках нож. Да, не просто нож, а что-то типа кортика – обоюдоострое лезвие.

И кинулся ко мне. Я даже не успел ничего сделать, как этот человек споткнулся, упал и, подергавшись какое-то время, затих. Так же тихо из него полилась кровь. Я бросился в туалет. Тошнило меня долго и нудно, и когда я вышел оттуда и дополз до кровати, у меня не было ни времени, ни желания рассматривать того, кто ко мне ворвался. Я свалился на диван и заснул.

Я подошел к трупу и осторожно снял с него свой плащ. Нет, это был не плешистый кот и не сукин сын, как я его обозвал. Это была обезьяна. И судя по тяжелому перегару – вчера она была сильно пьяной.

На нем (а это именно был ОН, а не она, судя по мужским причиндалам, для которых в штанишках пиратского костюма была сделана прорезь) была маска, изображавшая пирата, и шапка, которая свалилась при его падении.

Мне немного полегчало. Но... я начал соображать, отку-

да обезьян мог прийти вчера. У соседей по парадной такой экзотической живности не водилось. Мог, конечно, прийти с хозяином в гости. Но... оружие было настоящим, и это, действительно, был кортик.

Через несколько минут я уже звонил в полицию.

Как вы понимаете, было первое января, и в полиции мне сначала не поверили, потом поржали, но приехали быстро. Видимо, хотели развлечься. Меня опросили как свидетеля, дали визитную карточку и укатили, сказав, что, скорее всего, вызовут после праздников.

Но не тут-то было. Вызвали меня на следующий день. Как я понял из оговорок и недомолвок, в одном из соседних домов в новогоднюю ночь был убит старый адмирал и ограблена его квартира, что вполне объясняло наличие кортика. Наличие же обезьяны не объясняло ничего. Старик жил один, животных не держал.

Распрощались со мной уже более деловито, оформив подписку о невыезде.

Придя домой, я захотел накопать подробностей. В моих сообществах эта тема не обсуждалась, в Даркнет я принципиально не захожу, чтобы чего не подхватить. Я решил использовать моего шантажиста, а заодно и получить с него должок. Решил писать со своего телефона, чтобы он понимал, кто пишет. Кратко изложил суть, написал время и место встречи и пообещал, что если он нарочет информацию, то между нами будет все ровно.

На встречу я пришел заранее, чтобы понаблюдать, придет ли он один или с парой-тройкой плечистых ребят. Парнишка пришел за пять минут, позамерзал около получаса, и решил уходить. Я пошел за ним. Через пару улиц я его догнал. Он аж вздрогнул, когда увидел, кого он вскрыл. Я сказал, что прощу все, если он найдет мне инфу в полицейских чатах. Мне не к лицу, а ему с уже и так подмоченной репутацией можно. Иначе пригрозил, что «стукну» на него. Особо я попросил отмечать необычные факты. Парень согласился.

Уже к вечеру я знал, что никаких необычностей в этом убийстве не наблюдается. На кортике нет ничьих отпечатков, кроме лапы животного.

И я с ужасом понял, что потихоньку из свидетеля и даже пострадавшего превращаюсь в подозреваемого...

Праздники кончились. Несколько дней прошли в томительном ожидании. Ни алкоголь, ни знакомые девочки не помогали, только оторвешься от бутылки или от тела, и сразу накатывает тревога.

Позвонил парнишка-шантажист. У полиции появилась новая инфа. У адмирала была проходящая домработница, которая смогла составить более-менее точный список пропавших предметов. И вот что-то из этого списка засветилось. Преступники тоже люди, поиздержались в Новый год и пытались сбыть награбленное.

Полиция потянула за эту ниточку, но параллельно разрабатывала и меня. Пришли с ордером на обыск. Конеч-

но, без предупреждения, поэтому рылись и в грязном белье (знал бы, сунул в стирку), и в помойном ведре, которое выдавало мои алкогольные пристрастия.

Потом опять пригласили, показали несколько фото, где я должен был опознать знакомых. Но все было по нулям. И вот финал-апофеоз, меня должны были опознавать среди нескольких подставных лиц. Нашлись какие-то свидетели, которые в новогоднюю ночь не водку трескали, а припадали то ли к своему окну, то ли к дверному глазку. Слава Всевышнему, на меня никто пальцем не показал.

Затем наступило затишье. Если кто с полицией дело имел, то знает, что если следствие закончено. И ты ни при чем, никто тебе ни извинений не принесет и вообще ничего не скажет.

Я сам месяца через два позвонил следаку и узнал, что моя подписка о невыезде аннулирована, так как следствие закончено. Остальное узнал от неудавшегося шантажиста. Оказывается, квартиру адмирала грабанули трое человек. Работали по наводке, откуда-то у них была инфа, что старика не будет дома. Но когда вошли, отступать было некуда. Было это сразу после полуночи. А до этого они зарабатывали у празднующей публики вполне лояльным способом. У них была мартышка (или мартыш – не знаю, как правильно в мужском роде), которую они наряжали то Дедом Морозом, то пиратом. Девать его было некуда и они так и заявили на квартиру с обезьяной, наряженной по иронии судьбы в костюм

морского разбойника. Кстати, со стариком разобрались без применения оружия, а вот обезьяна, почуя мертвого человека, чрезвычайно взволновалась, схватила то, что было под рукой (а это оказался кортик) и выбежала на улицу. Стало холодно, и ей больше приглянулся наш дом. Ну вот так она оказалась в моей квартире. Остальное вы знаете.

Вывод: никогда и ни в каком состоянии не открывайте дверь, не узнав, кто или что находится за ней.

Слежка

Когда бóльшая часть жизни позади, некоторые события вызывают странное чувство. Думаешь: а было ли это? Не придумал ли ты все? Не приснилось ли тебе? И правда, многое похоже на сон, но все же надеешься, что это с тобой произошло на самом деле.

Мне было тогда лет 16. Последнее школьное лето. Наша семья только что переехала в большой незнакомый город из маленького и горячо любимого. Новая квартира, новый двор, новая школа, в которой еще не училась. Знакомых ноль. Занятий – тоже. Конечно, помочь родителям в разборке вещей – святое дело. Обустроить свою комнату – с удовольствием. Но что делать еще? В моем родном южном городе проблема решалась просто, даже когда все друзья в отъезде – взяла купальник, пошла на море – искупалась и позагорала. Практически священнодействие, социально одобряемое времяпрепровождение. Здесь же постигло недоумение – город морской, а море далеко. Вода рядом, а купаться в грязной реке не хочется, да и не очень принято. Поэтому что-то вяло почитывала по школьной программе, развлекалась разглядыванием людей из окна, но летом в городе, да еще и в рабочий день – малоллюдно.

Повеселее было, когда родители посылали за хлебом и молоком. Хотя маленький магазинчик был прямо в нашем до-

ме, но надо было спуститься по лестнице, которая до революции, наверно, считалась «черной», во двор-колодец, дойти до арки, выйти со двора, обойти дом и войти во вкусно пахнущий хлебом магазин. Здесь можно было, стоя в очереди, наблюдать за продавщицей. На какое-то время это развлекало, но она со всеми общалась примерно одинаково, ни с кем разговоров не заводила, до конфликтов дело не доходило – быстро и это надоедало. Тогда я начала разглядывать покупателей. Иногда было их много: человек 5—6 – очередь минут на 15. Тогда я успевала осмотреть всех, предположить, сколько кому лет, кем работают и так далее. Короче, скоро это превратилось в своеобразную игру. Я, стоя в магазине и наблюдая за людьми, начала строить догадки, за какими продуктами человек пришел. Бывало, что мое мнение совпадало, но чаще бывало – нет. За совпадения я начала выставять себе баллы. Были, конечно, практически 100-процентные предположения, так как ассортимент магазина был небольшой. Большинство приходило сюда за хлебом, и за молоком как я. Иногда брали консервы. Чаще колбасу и сыр.

Как-то родители уехали по делам, старший брат уже успел познакомиться с девушкой и ушел с ней гулять. Я осталась дома одна. Скучища! Поручений никто мне не оставил. Я решила тоже выйти на улицу. Подошла к магазину, зашла в него, но покупать ничего не надо было. Я просто остановилась, вертя головой. В помещении кроме продавщицы было

4 человека. Трое стояли в очереди, а одна женщина уже засовывала покупки в мешок. Он был прозрачный, и я видела, что он туго набит пачками макарон. Их было несколько. И больше ничего. Я стала строить предположения – зачем женщине столько макарон – любит итальянскую еду? Большая семья? Все соседи попросили? Больше ничего не придумывалось. Я вышла из магазина, пошла в соседний сад, посидела на лавочке, поскучала и вернулась домой.

Через несколько дней родители опять послали меня за хлебом. И, к своему удивлению, я опять увидела там ту же женщину. Она опять брала макароны. Опять мешок был набит под завязку. Было понятно, что за то время, что я ее не видела, даже семья из 4 человек, как наша, не смогла бы съесть все ее макаронные запасы, даже если бы питалась этим каждый день. Мне стало интересно. Передо мной в очереди стояло еще 2 человека, а женщина уходила, и я вышла из очереди, решив немного проследить за ней, что, может быть, дало бы мне разгадку.

Мы вышли из магазина – я шагах в 10 от нее. После того, как мы пересекли улицу и миновали еще 2, я отметила это как странность. В нашем магазине отоваривались люди, живущие рядом. Таких магазинов на пути нашего с женщиной следования попало еще несколько, но туда она не заходила. Мы прошли еще минут 10. Женщина дошла до крупного проспекта, по которому ходили троллейбусы, подошла к остановке, дождалась одного из них и уехала.

Походы в магазин стали теперь интересным занятием, и я старалась бывать там каждый день, но... мы с этой женщиной не совпадали.

Солнечная погода, как часто бывает в этом городе, сменилась дождями, и я сидела дома, чаще всего, на широком подоконнике с книжкой в руках. И вдруг однажды я опять заметила ее. Она переходила дорогу к нашему магазину. Была с зонтом, лица с моего второго этажа не видно, но ее мешок (пока еще пустой) я узнала. Я быстро соскочила с подоконника, надела резиновые сапоги, схватила зонт и, крикнув маме:

– Я в магазин, – выбежала за дверь.

Подбежала я к магазину, когда она уже выходила оттуда, груженная макаронами. Видимо, очереди в магазине не было совсем, так как в такую погоду народ предпочитал лишний раз на улицу не выходить. Тем интереснее мне стало. Значит, этой женщине так нужны эти макароны, что она даже ездит именно в наш магазин, даже в плохую погоду. И я пошла за ней. Шли мы по тому же маршруту. Но я уже решила. В кармане были деньги, и на билет на троллейбус мне должно было хватить.

Вдруг женщина побежала. Я поняла, что она торопится на троллейбус, который подходил к остановке. Я тоже припустила, и мы практически бок о бок влетели в его открытые двери. Мы стояли рядом, руки ее были заняты, и она попросила меня передать деньги кондуктору. Вот тут я ее рассмот-

рела. Лет 35, как я теперь понимаю, а тогда мне казалось почти старушка. Красивая, не покрашенная. Лицо очень усталое. Она почему-то не ставила мешок на пол, а держала на весу, а он был очень тяжелый. Мы выехали на центральный проспект города, проехали его целиком, и троллейбус свернул. Несколько остановок – музей, еще один музей и, троллейбусное кольцо.

Женщина вышла. Дождь уже не шел. Это было веселее. Женщина перешла большую площадь и пошла по довольно узкой улице. В этом районе я еще не была. Дома здесь, как и во всем центре города, были старые, красивые, но требующие основательного ремонта. В конце улицы виднелся какой-то завод, справа за домами я успела заметить реку, серую от непогоды.

Мы миновали еще один музей, и вдруг женщина свернула в арку следующего дома. Я поравнялась с аркой, увидела, что один двор переходит в другой и, если женщина обернется на звук моих шагов, то она меня точно заметит. Я остановилась и смогла только проследить, что она скрылась во втором проходном дворе, повернув налево.

Наши встречи в магазине происходили примерно в одно и то же время – около часу дня. И я решила приехать в этот двор в то время, когда женщина предположительно будет в нашем магазине.

Через пару дней я решила, что пора. Погода уже наладилась. Было жарко. По знакомому уже маршруту я дошла

до остановки троллейбуса, дождалась его и без приключений добралась до двора, в котором скрылась женщина. Двор был такой же двор-колодец, как и мой. Налево была только одна парадная. На табличке рядом с дверью значилось несколько квартир: 3, 44, 57. В этом городе такое случалось. Я зашла в парадную.

Лестница на удивление была светлая чистая и... деревянная. Дом был гораздо старше того, где теперь жила я. На каждой двери было по несколько табличек. Переехав в этот город, я уже узнала, что это коммунальные квартиры, где живут по несколько семей. В моем сознании это плохо умещалось, хотя опыт проживания вместе с родителями в ведомственном общежитии у меня уже был. Я поднялась до 2 этажа, плохо понимая, что буду делать дальше. То, что мы называем лестничной площадкой, там было большим светлым пространством и предназначалось для одной квартиры. При желании туда можно было вынести стулья и как на террасе провести время с гостями.

На 3 этаже щелкнул замок двери. Но шагов я не услышала. Вместо этого раздался скрипучий старческий голос, который прокричал:

– Маша, не забудь, макарон побольше купи.

Я бросилась вниз. Выскочила из парадной, из одного двора, второго, побежала по улице – она была прямая, спрятаться негде. Добежала до углового дома и только тут позволила себе оглянуться. Да, моя «знакомая» шла по улице в мою

сторону.

Если пойду к троллейбусу, мы столкнемся... я свернула к реке. Река была серая огромная. Прямо передо мной был мост через нее, тоже серый и очень широкий. Я пошла по нему, не зная, в каком районе окажусь.

На середине моста я остановилась. Погода была тоже серой, но без дождя – в этом городе такое часто случалось. Дома по обе стороны реки были старые, красивые. Дворцы, одним словом. Кое-где мелькала зелень, но ее было мало. Вдалеке справа увидела золотой шпиль – я знала, что это знаменитая крепость.

Решила дальше не идти, постояла на мосту и вернулась на площадь. Как по-другому вернуться домой, я не знала, пришлось идти на кольцо троллейбуса.

Теперь я знала имя женщины – Маша. Но, что делать с этим знанием, не понимала. Честно сказать, вся затея перестала быть интересной, и мне как-то стало неловко. Я слишком близко подошла к этой женщине, почти в квартиру ее влезла. Это не всякому понравится.

Я ехала по городу, по центральному его проспекту и приглядывалась к людям. Они были другие – не такие, как в моем родном городе. Одеты на всякий случай в плащи и куртки, с зонтами, бледными лицами, озабоченным выражением лица. На фоне прекрасных больших домов, почти дворцов, они были маленькими, и проблемы их были маленькими. И кто, что несет: кто сахар, а кто макароны – мне те-

перь было безразлично. Мое внимание поглотил сам город, в котором мне предстояло жить. С его деревянными лестницами в старых домах, большой рекой и большими мостами, длинными проспектами и музеями. Мне нужно было познакомиться с ним и найти в нем свое место.

Блокнот

Развод Ирина перенесла очень тяжело. Начали дрожать пальцы на руках, нарушился сон. Адвокат, которая представляла ее интересы в суде, посоветовала обратиться к психологу или психотерапевту.

– Хорошо, что не к психиатру, – подумала Ирина, – значит со мной еще все в порядке. Но к психотерапевту, которого ей посоветовали знакомые знакомых знакомых, все же записалась.

На первой встрече (теперь Ирина знала, что это называется сессия) было фактически знакомство с ней, ее симптомами, ее ситуацией. Ирина жаловалась на то, что не просто плохо спит, а, когда наконец засыпает, то видит один и тот же удушающий, затягивающий как болото, не отпускающий сон.

Когда встреча подходила к концу, психотерапевт посоветовала ей записывать свои сны, как можно подробнее, даже, если кажется, что они абсолютно одинаковые.

Ирина всегда была ответственной и исполнительной, поэтому, в тот же день отыскала дома еле начатый блокнот, и положила его вместе с ручкой на столик рядом с кроватью.

И... ночь прошла спокойно. Ирина не просыпалась, снов не видела. Наутро она было очень удивлена, чувствовала себя выспавшейся и отдохнувшей. Так повторилось всю неде-

лю до следующего приема у психотерапевта.

Врач не удивилась, сказала, что такое возможно, и попросила блокнот от кровати не убирать.

Так же прошла и следующая неделя.

На очередной сессии было решено, что Ирина уберет блокнот из спальни.

Сказано – сделано. Но... без блокнота ночные проблемы вернулись. Опять навалился кошмар. Ирина шла по лесу, где сгустились сумерки. Она не видела, но чувствовала зверей, которым была нужна она, ее плоть. Еще страшнее было идти по земле, которая кишела змеями. Опять же, гадов она не видела, но почти чувствовала ступнями как они проползают по ее ногам.

На очередной встрече психотерапевт уже, казалось, была немного удивлена и посоветовала чередовать присутствие и отсутствие блокнота рядом с кроватью. – Проверим гипотезу, – сказала врач. Конечно, Ирина надеялась, что та выпишет ей какое-нибудь душеболеутоляющее средство и можно будет спать спокойно. Но – нет. «Иначе не будет толка от психотерапии».

Все опять повторилось: блокнот рядом – все хорошо, он в соседней комнате – страшный сон возвращается.

Ирина уверовала в его магические свойства. Теперь она таскала его с собой везде. К врачу ходить перестала. Ей казалось, что она и днем стала спокойнее, меньше плачет, с бывшим мужем разговаривает спокойнее.

Прошло полгода, наступило лето. Ирина решила на весь отпуск поехать к морю, которое всегда действовало на нее успокаивающе.

Первые недели две она вела почти растительный образ жизни – купалась, валялась на пляже, ни с кем не общалась. Но потом захотелось выйти на люди. Решила вечером пойти в кафе на набережной и вкусно поесть.

Кафе было полно людей. Присесть было некуда. Но Ирина уже очень-очень захотелось здесь остаться. Она еще раз внимательно обвела взглядом столики и за одним, где сидела молодая пара, заметила свободный стул. Сейчас не принято подсаживаться к столу, за которым уже сидят люди, но Ирина направилась к ним и спросила разрешения. Девушка как-то странно на нее посмотрела и кивнула, а парень промолчал. Ирина заказала кофе и десерт. Молодые люди почти не разговаривали, каждый смотрел в свой телефон. Вдруг по мобильнику девушки раздался звонок. Разговор был коротким: —

Да, сейчас приеду, – она встала, кивнула парню, – пока-пока, – и ушла.

Прошло несколько минут, вдруг парень спросил, как ее зовут. Познакомились. И следующие часа полтора они просидели в этом кафе, слушая приятную музыку, разговаривая обо всем и ни о чем.

Они стали встречаться каждый день. Ирина была в прекрасном настроении. Ночью ее оберегал блокнот, который

она теперь не вынимала из сумки, (просто сумку ставила рядом с собой), а днем ей было хорошо от общения с новым знакомым.

Степень доверия со стороны Ирины увеличилась настолько, что она (правда в шутку) решила рассказать о ситуации с блокнотом. Парень заинтересовался, сказал, что было бы любопытно взглянуть на него. Ирина полезла в сумку... и поняла, что блокнота нет. Не было его и в комнате, где она жила. Ирина поняла, что видимо где-то когда-то потеряла его.

Пришла новая ночь, но... мысли и чувства Ирины были уже далеко и от блокнота, и от бывшего мужа. Она спала спокойно.

Автопортрет

Она проснулась как всегда ночью для похода в туалет. Спустила ноги с кровати, начала нащупывать тапки. Один повернулся к ней носком, второй слипся, и в него невозможно было засунуть ногу. Во время этой борьбы в голове возникла идея. Эта идея была продолжением рассказа, начатого ею накануне. Но она знала, что думать ночью ей нельзя, мозг сразу активизируется, и бессонница ей обеспечена. За время двухминутного похода в туалет ей удалось не потерять полусонного состояния, но все же было понятно, что мысль о том, что она ничего не забудет до утра, абсурдна и это проверено всей ее долгой жизнью. Свет зажигать было нельзя, мобильник открывать тоже – яркий свет сразу что-то включал в ее голове, и до следующей ночи выключить это было невозможно.

В темноте на ощупь она подошла к столу и нашарила ручку. Это было несложно. Хуже дело обстояло с бумагой. Весь стол ею был засыпан. Но наряду с обычными записками самой себе, там были и важные документы, в том числе и медицинские. Соображалки хватило на то, чтобы по формату бумаги вычислить мелкую записку, и в полной темноте, стараясь левой рукой обозначать границы листка, дабы не писать на скатерти, она правой нацарапала несколько слов. И... успокоенная уснула.

Наутро она разыскала этот листок и удовлетворенно кивнула сама себе оттого, что нашла ночью правильную бумажку, неофициальную. Ее ночные каракули были написаны поверх ее дневных, и она минут пять разбиралась, что же там написано.

Мысль была гениальной и она была очень довольна, что не поленилась записать, пришедшее ей на ум во сне.

Чудесное небесное хранилище писательских идей она представляла себе как длинный коридор со множеством дверей.

Писателей на свете много, чтобы всем хватило.

Ей казалось, что там уже лежат готовые рассказы, повести, романы... надо только пройти по этому коридору, на ходу открывая двери, пробежаться раньше всех, чтобы тебя не опередили, и именно твоя дверь тебе откроется.

Но двери иногда стоят как наглухо заколоченные – ничего там не возьмешь. А иногда открывается несколько подряд, только успевай – подхватывай. И тогда из головы как будто пробка вылетает и как шампанское из бутылки оттуда льются, льются, льются слова, одно за другим, связываются в предложения, складываются в рассказы. И тогда уж все равно, какое время суток – беги и записывай.

Особенно часто двери открываются по ночам или рано-рано утром. И тогда не ленись – хватай то, что там лежит и выкладывай на бумаге, что ты видела и слышала за этой дверью.

Почему-то приходила мысль об отеле, куда писатели могли бы приезжать, чтобы переночевать и иметь возможность во сне или наяву пробежаться этим особым коридором и открыть Дверь.

Сеансы совместного сна

ОН

Я не знал, что мне делать. Она уходила от меня, оставаясь на месте. Вместе мы прожили немногим больше 10 лет, и как мне казалось, хорошо понимали друг друга.

Но в течение последних нескольких месяцев я стал замечать, что пятнышко пустоты между нами, будучи когда-то просто точкой, медленно, но верно становилось все больше.

Внешне все было по-прежнему. Я не мог заподозрить ее в неверности, она все время была со мной, рядом. Я не мог уличить ее в охлаждении чувств, секс был все таким же желанным с обеих сторон – я не мог в этом ошибиться.

Но какая-то песчинка отчуждения попала в раковинку пустоты и росла, расширяла ее, медленно превращаясь в черную жемчужину одиночества. Мы засыпали рука в руке, а просыпались каждый на своем конце постели. И если ночью это было естественно, то днем – непонятно.

Я советовался с друзьями – мужчинами и женщинами, пожилыми и молодыми, но никто, из знавших нас, не мог объяснить мне того, что между нами происходило. Или я не слышал их. Или они говорили бесшумно, не задевая моего слуха.

Тогда я решил обратиться за советом, разъяснениями, как

хотите, к незнакомым. Не просто к людям с улицы, а специалистам. Никогда в жизни я не прибегал еще к помощи психологов, астрологов, тарологов и других гадателей. Я знал, что в нашем городе был устроен Медицинский квартал, а в нем находился особняк Психологии. Я никогда его не видел, но знал, что некоторые из моих приятелей обращались туда и были в разной степени удовлетворены последствиями своего обращения.

Я выбрал день, когда жена уехала к своей матери в близлежащий городок, и я не должен был объяснять, куда и зачем иду.

В этом конце нашего города я не был ни разу. Он отличался какой-то упорядоченностью что ли. При въезде в квартал стоял большой щит – это была карта проезда с указателями клиник: Ортопедии, Онкологии, Неврологии и так далее. По всем направлениям человеческих недугов.

Я подъехал к зданию клиники Психологии. Внутри было светло. За стойкой администратора сидела девушка, которая поинтересовалась, назначено ли мне. Я ответил отрицательно. Я даже не подумал, что нужно было записаться заранее.

– Хорошо, – кивнула она, – тогда идите к дежурному психологу, – и указала на дверь в конце коридора. Очереди не было, я постучался и вошел.

Мужчина, встретивший меня, показался скорее приятным, чем наоборот. Я все же был насторожен и встревожен фактом своего обращения сюда.

Мы поговорили минут семь, он уточнил причины моего прихода и вынес вердикт после того как сверился с записями в компьютере: —

Вам нужно в кабинет номер семнадцать. Там как раз есть свободное место.

Я вышел в коридор, нашел кабинет и увидел на его двери кроме номера надпись «ССС».

– Что это? Салон сексуальных услуг? – нервно пошутил я сам с собой. Но... в это название не вписывалась третья буква «С». Я постучал и вошел.

Сначала мне показалось, что моя шутка была недалеко от истины, так как все пространство обширного кабинета было разделено светлыми полотнищами на кабинки как в кабинете физиотерапии, в котором в детстве мне довелось побывать. При входе за столом сидела миловидная молодая женщина. Она вежливо поинтересовалась, кто меня направил. Услышав, что я пришел без записи от дежурного психолога, глянула на монитор компьютера и сказала:

– Проходите в третью кабинку.

Там за занавеской на расстоянии примерно полуметра друг от друга стояли две кушетки, накрытые белоснежными простынями. Девушка вошла вслед за мной, указала занять левую кушетку, попросила пару минут подождать и вышла. Вернулась она уже не одна, а с мужчиной лет пятидесяти. Он приветливо со мной поздоровался и занял вторую кушетку. Девушка, обратилась ко мне:

– Это ваш Проводник на сегодняшнем сеансе. Сейчас мы соединим ваши руки, – она показала полоску тонкой бумажной ленты, – сеанс будет длиться минут пятнадцать.

– А в чем его суть? – заволновался я.

– Вы поспите и после этого, если у вас возникнут вопросы, поговорите с уже знакомым вам дежурным психологом. Но ваша проблема, скорее всего, станет вам после сеанса ясна.

Я все же нервничал, пока она соединяла наши с мужчиной руки бумажным лоскутком. Но после этого уже не помнил ничего.

Я просто видел. Видел белый туман, в центре которого появилась черная точка и, постепенно увеличиваясь, заняла все пространство. Наступила чернота. Уже на этом фоне появлялись картинки моей жизни, но я их видел как бы со стороны – не своими глазами.

Картинки были разные. Я видел свою жену и себя в разное время дня и ночи, в разных ситуациях, видел, как она плачет, видел свое лицо, которое показалось мне, малосимпатичным. Образы были яркие, но эмоции не отзывались во мне, я лишь констатировал и анализировал.

Возвращение в реальность произошло мгновенно. Открыл глаза: ни мужчины в кабинке, ни остатков бумажной ленты на моей руке не было. Я встал и вышел. Девушка поинтересовалась, есть ли у меня еще вопросы и необходимо ли мне посещение психолога. Я ответил отрицательно. Я уже

знал ответ. Он был страшен для меня, но и в какой-то степени нес облегчение, потому что я понял, что я БОЛЕН. Болен неизлечимо, болезнь прогрессирует, и жена моя знает об этом.

Я только захотел узнать, что же значат эти странные буквы на двери кабинета.

– Это название нашей методики: Сеансы Совместного Сна, – ответила она.

Вышел я с тяжелым чувством. Нужно было адаптироваться к новому для меня знанию.

ОНА

Яма под ногами разверзлась неожиданно. Я почувствовала, что внутри моего мужа появился какой-то кусок льда. Он был со мной рядом, близость наша интересовала его, как и всегда, но иногда голос его становился чужим, каким-то механическим, он переставал понимать мои эмоции, да и свои, похоже, тоже. Вернее, временами их просто не было.

Муж не любил обращаться к врачам, поэтому пришлось мне. Я записалась к психологу в Медицинском квартале.

Методика, через которую мне пришлось пройти, называлась «Сеанс Совместного Сна». Моим Проводником (как мне представили) была симпатичная женщина лет тридцати. Видение (сном его не назовешь) было ужасным. Я виде-

ла Болезнь мужа как черную точку, которая появилась в нем и постепенно заполняла все его тело. Это не была болезнь каких-то внутренних органов, это была болезнь его личности, поэтому она черными языками выплескивалась и вовне. Эти языки касались меня – тогда мне было больно или обидно или страшно. Тогда я плакала.

В реальной жизни я плакала тоже. Сказать мужу о своем знании я не могла, была не в силах

Я видела, как он уходит от меня, оставаясь на месте. И это была Черная Тоска.

ОНИ

Когда ушел последний посетитель, они почти одновременно пришли в чайную комнату. Она устало улыбнулась, налила себе кофе, ему чай, присела на стул.

Говорить не хотелось. Работа выматывала. Бродить по чужому подсознанию не просто и для собственного. Их не зря называли Проводниками. Благодаря своим уникальным способностям, полученным от Бога ли или нет, они могли хотя и ощупью, но пробираться туда, куда даже сам человек, обращавшийся к ним за помощью не мог или не смел. Они только видели, ощущали, но благодаря этому они усиливали видение и ощущения клиента. Они были как усилитель при аудиотехнике.

Она часто вспоминала, как все началось. Тогда она как

обычный психолог работала с молодым человеком, у которого хватало проблем, но что-то мешало ему говорить откровенно. Ночью после очередной консультации ей приснились его родители, которые рассказали во сне о том, что мешает им наладить отношения с сыном.

На следующей встрече с клиентом эти сведения подтвердились.

Она была удивлена, но и только. Не могла же всерьез подумать, что у нее открылись какие-то сверхъестественные способности.

До этого уже были «звоночки», но они касались только их с мужем, с которым они прожили вместе около 10 лет и хорошо понимали друг друга. Это было как бы не в счет.

Потом она решила проанализировать и собрать в кучу все мелкие необычности, которыми кишела ее жизнь. Так, она могла почти со стопроцентной точностью сказать, кто звонит ей в данный момент (или пишет). Проколы иногда случались лишь в отношении незнакомых номеров.

Тогда она решила проверить свои способности в Клинике Психологии, а там, даже не доведя ее тестирование до конца, ей предложили участвовать в Эксперименте, который затем оказался ее работой.

У Него все сложилось иначе. Почти полжизни он прожил в качестве обычного человека, имея, правда, военную специальность в запасе. Когда наступило тревожное время, он отправился добровольцем в «горячую точку». Его не рани-

ло, а просто контузило. Но контузия было очень сильной, «долбануло не по-детски» как он сам говорил. Он временно лишился и зрения и слуха. При этом каким-то непостижимым образом знал о том, что происходит в госпитале, куда его привезли, и даже выбрал себе среди медперсонала любимицу – Любочку, медсестру средних лет, и прекрасно ее себе представлял. Когда ему сняли повязку с глаз, ее внешность полностью совпала с той, которая ему виделась. Когда прибыл домой, да уже и по дороге, он начал «слышать голоса». Испугался, решил, что тихонько сходит с ума. Обратился в Клинику Психологии в качестве клиента. И вот результат: здоров, но может то, что редко кому дано. Работа ему нравилась. Но сильно выматывала. А ему это и было нужно. После Сеансов Совместного Сна он прекрасно засыпал, что практически не удавалось ему в выходные дни – мешали мысли о войне.

Она тоже плохо засыпала. Ей не всегда удавалось отгородиться от увиденного. Лежа в кровати, продолжала думать о тех людях, которые были у нее на Сеансе. Иногда приходила мысль о том, что Они только дают людям возможность увидеть, а дальше клиенты уже осознают и делают выводы сами. И она часто думала, а правду ли Они помогают людям увидеть...

У него таких сомнений не было.

МЫ

После того, как Она узнала о болезни мужа, у Нее не только не возникло отторжения, а наоборот, откуда-то из живота поднялась всеобъемлющая жалость, хотелось обхватить его всего и плакать над ним, высасывать у него из головы эту черноту и сплевывать ее в черное космическое пространство.

Теперь Ей стало легче переносить изменения в его настроении, даже небольшие грубости тона, которые все-таки царапали, корябали по коже, по слизистой горла, заставляли ежиться.

Он же, поняв, что болен, и что жена знает об этом, принял решение – уйти, куда глаза глядят. Так уходят умирать слоны или старики в племенах, все еще живущих по первобытным законам. Он не хотел быть обузой, не хотел, чтобы чернота заполнила все его тело, выела его глаза, нос, рот и оставила только страшное подобие бывшего человека, которое будет пугать Ее, самую любимую и желанную. Он не представлял свое будущее существование рядом с ней, он хотел уйти, раствориться, умереть. Умереть для нее...

Решиться было трудно. Она стала с ним еще ласковей. Когда чернота не застила ему глаза, он видел Ее Прекрасную, но когда перед ним опускался черный занавес, на ее месте он видел какое-то страшное косматое существо, и тогда у него было только два выхода – или убегать или нападать. Пока он убегал. Придумал для себя такой трюк: как только в его

голове начинало темнеть, он отворачивался к стене или окну, где заставляло его это состояние, зажмурился, и буквально через несколько секунд видел перед глазами яркую вспышку – значит, можно было возвращаться в реальность. Но краткие периоды Небытия (так он их называл) начинали увеличиваться, и он начал бояться себя Другого. Надо было уходить.

Она видела, что с ним начало происходить что-то новое. Они уже несколько недель спали в разных комнатах. Как-то она случайно, убирая в его спальне, наткнулась на коробку, в которой лежали сушки, пара банок консервов, кружка, миска. Полиэтиленовый мешок рядом был набит мелкими вещами для разных времен года – теплый шарф, плавки, резиновые сапоги. Спросить напрямую она побоялась, он уже давно на ее вопросы отворачивался к окну или стене и зажмурился, молчал и лишь спустя несколько секунд поворачивался обратно. Она понимала; он сдерживается, чтобы не сделать чего-нибудь – накричать, ударить. Ответа не давал и Она больше не спрашивала.

ОНО

Решение пришло без долгих раздумий. Она решила стать его Проводником там, где ему страшно и темно. Позвонила в Клинику Психологии. Там сказали, что никогда таких сеансов не проводили, но в качестве пробы, (методика пока

имела статус экспериментальной), готовы пойти на это.

В Клинику приехали рано утром. Он на удивление ни о чем не спрашивал, был тих и очень спокоен. А Она волновалась.

Их уложили на соседние кушетки, соединили их руки бумажной лентой и...

Она видела Темноту и знала, что это Он, Он видел Свет и знал, что это Она. Тьма редела, Свет покрылся как бы серым туманом.

Они разделили болезнь на двоих.

«Эксперимент удался», – записали в клинический журнал Проводники.

Куда уходят сны

Когда я была маленькой, мама объяснила мне, что маленькие белые облачка на небе – это человеческие сны. Вот сон к тебе пришел, ты его посмотрела, а потом он уходит на небо и начинает путешествовать по свету. Может и еще к кому-нибудь заглянуть. А может и сразу двоим присниться. Такое у меня было всего один раз в жизни. И я до сих пор не понимаю, как это получилось.

Сны не покидают небо вместе с человеком, когда он умирает. Они остаются. Поэтому мы иногда видим тех, кто нас покинул – это нам снятся их оставшиеся сны.

Когда я стала постарше и начала думать про сны, то решила, что большие серые тучи, из которых не идет дождь, это чьи-то страшные сновидения, сбившиеся в одну кучу. Видно, страшным снам и самим страшно поодиночке.

Когда мне снился такой страшный сон, что я просыпалась среди ночи, бабушка говорила: «Посмотри в окно и скажи: куда ночь, туда и сон». И сон, правда, уходил и в эту ночь уже не возвращался.

А были такие сны, которые приходили не по одному разу. Они не были ужасными, там не было монстров, но они были странными, и этим немного пугали.

Были счастливые сны. Это когда я во сне сочиняла стихи или песню, или слышала неземной красоты музыку, кото-

рую наутро никак не могла вспомнить. И это давало ни с чем не сравнимое переживание потерянного рая, о котором остались лишь мимолетные воспоминания.

Были сны, в которых я плакала, были сны в которых я смеялась. И вот, что интересно, если смеешься во сне, то ты и вправду смеешься, и это могут подтвердить те, кто был с тобой рядом в этот момент. А вот если во сне плачешь, совсем не обязательно, что ты проснешься в слезах. Вернее, я. Я ведь о себе...

Новогоднее чудо

Голова была чугунная. Ночь прошла ужасно. Таня никак не могла уснуть – сначала было жарко и нечем дышать, потом в голову полезли разные мысли и приходилось их думать. Пришлось встать и выпить снотворного. Заснула, но все равно просыпалась часто и очень рано проснулась.

Было 12 часов дня, а она уже три раза выпила кофе – свою дневную норму. Чувствовалась тяжесть во всем теле, вроде бы и поспать хорошо, но по состоянию было件нятно, что сон пока не придет.

На дворе потихоньку разгуливалась метель.

«Наверно, магнитная буря виновата», – подумала Таня.

Все утро она старалась не отступать от дневного обычного распорядка. После завтрака и необходимых процедур сделала гимнастику для плеча, но по сокращенной программе, так как голова немного кружилась. «Надо пойти пройтись, проветриться». Хотелось дождаться крупных снежных хлопьев, которые Таня очень любила. Как назло с неба падала снежная крупа. Таню всегда удивляло, как из таких мелких частиц наметает огромные сугробы.

Наконец, пошел крупный снег. Таня оделась и вышла на улицу с намерением сделать «дежурный» круг по микрорайону.

Снег повалил стеной. На капюшоне сразу образовалась

снежная оторочка, сапогам приходилось шагать по целине. Кроме Тани никто, похоже, в такую погоду не хотел выходить на улицу.

Видимость была, наверно, метра три, даже меньше. Она поняла это тогда, когда прямо перед ней вдруг вырос человек с собакой – не страшной, наоборот, маленькой и смешной. Это было очень неожиданно, она их не слышала, а главное не видела.

Ближе к магазинам стало больше таких «призраков» – людей, засыпанных снегом, как и она. Такая погода всегда напоминала ей про Новый год, хотя до него было достаточно далеко. Далеко, чтобы ставить елку, но близко, чтобы начать думать о подарках. Она тоже зашла в пару магазинчиков, но ничего интересного для покупки не нашла. Наконец, решила идти в обратную сторону.

Ей нужно было пройти ровно одну автобусную остановку, потом свернуть во дворы, выйти на соседнюю улицу, и она уже будет дома.

Она и прошла эту остановку от одной скамеечки под навесом до другой. Мимо пару раз проезжали автобусы, но разглядеть их номера не было возможности. Других машин не было. По мере удаления от магазинов люди стали попадаться все реже и в какой-то момент Таня оказалась одна.

Поравнялась с остановкой и разглядела, что на ней сидит девушка – черты ее лица были не очень понятны сквозь снег. Таня увидела, что у той нет перчаток, голова не покрыта,

а пальто очень легкое. Было ясно, что девушке холодно, она явно ждала автобус.

Вдруг из снегопада выплыла большая черная машина – джип, непонятно какой марки. Дверца открылась. Таня осталась. Из машины вышел мужчина с чем-то большим в руках – это была шуба. Он распахнул ее. Девушка подняла голову, увидела его и встала, пальто соскользнуло с ее плеч. Она шагнула к мужчине, и тот укутал ее шубой. Несколько секунд они стояли под снегом, обнявшись, потом развернулись, сели в машину и все исчезло.

Таня заплакала. Так уже с ней было однажды, когда она поднялась в небо на аэростате, и ее заполнил восторг от чуда отрыва от земли, от смеси страха, удивления и восхищения.

Сейчас на ее глазах тоже произошло чудо. Можно было в это не поверить, если бы на скамеечке под навесом не образовался уже небольшой сугробик – так быстро снегом замело оставленное пальто.

Елизавета Константинова

Дальняя дорога Зои Кислициной

«Столько лет не курила, и вот – на тебе. И чего я так рас-
переживалась? Конечно, мы не виделись очень давно, даже
и не помню, когда последний раз. А последний раз – имен-
но сегодня. Прощание», – размышляя, Зоя шла по длинно-
му коридору общежития в сторону общего балкона. Дверь
скрипнула, в лицо дунула прохлада темного вечера. На сту-
ле слева лежали сигареты и зажигалка. «Моя любимая мар-
ка», – Зоя с удовольствием затянулась. Давно забытое ощу-
щение теплоты в легких и почти мгновенного расслабления
во всем теле. Выдыхая дым, она вдруг испугалась: «Забы-
ла! Забыла! Обидно-то как!» Докурив сигарету до полови-
ны, уже успокоилась и сосредоточилась на словах, которые
лучше сказать на прощание, а не на забытых милых пода-
рочках, оставшихся в красивом пакете, стоять под вешалкой
в ее квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.